

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

необыкновенной силой, — словно последний, завершающий штрих в нарисованном ею портрете.

Сейчас Кармен Образцовой признана лучшей в мире. Зарубежная пресса восторженно писала об этой работе артистки. Вот некоторые из отзывов: «Сенсация, которую произвела советская певица, заключалась в том, что Елена Образцова интерпретировала роль без видимых усилий, с поразительной естественностью подводя свою героиню к трагической развязке. Красивая, обольстительная, она пленила не только Хозе и Эскамильо, но всю присутствующую публику». «Елена Образцова является самым верным выразителем концепции Бизе... Это певица высшего класса...». «Самое большое богатство Елены Образцовой — это голос, поразительные оттенки которого позволяют раскрыть всю глубину чувств ее героини...»

Когда видишь Образцову в театре, понимаешь, что сцена — ее призвание. И потому ее камерные вечера (а камерный репертуар артистки поистине безграничен) — как театр, театр одного актера: драматургия концерта у певицы тщательно выстроена, тщательно продумано все развитие вокального сюжета, его завязка, кульминация, развязка, так же тщательно «выписаны» образы — для каждого найдена своя интонация, свои краски, каждый штрих, каждый нюанс «положены» точно, разумно, с большим чувством стиля. Она редко поет так называемые сборные программы, ее стихия — монографический концерт. Бах, Глинка, Чайковский, Рахманинов, Прокофьев

ОНА рождена быть оперной певицей. Действительно, природа щедро одарила Елену Образцову. У нее уникальный по красоте и певческим возможностям голос, который зарубежные критики называют экстраординарным — его нежнейшее пиано, как шепот великого трагика Сальвини, слышен в любом конце многозвучного зала, а форте у Образцовой звучит мощно, наполненно, как орган, — кажется, ему тесно в стенах театрального здания. Яркий актерский темперамент позволяет ей «лепить» характеры сильные, значительные, истинно шекспировского масштаба. А ее внешность называют сценичной — певица естественна и вместе с тем необыкновенно красива и в облике цыганки Кармен, и египетской царевны Амнерис, и зенитчицы Жени Комельковой — можно сказать, нашей современницы... Таковы слабые таланта.

Но есть в характере Образцовой и еще одна черта, которая, кстати, весьма необходима людям любых профессий и без которой даже очень большой талант в конце концов увядает, — влюбленность в свое дело. Помню, как после успешного дебюта молодой артистки на сцене Большого театра Союза ССР — она выступала тогда в роли Марины Мнишек в опере Мусоргского «Борис Годунов» — мне довелось беседовать с ее педагогом, профессором Ленинградской консерватории Антониою Андреевной Григорьевой, которая сказала тогда о своей воспитаннице такую фразу: «Лена самозабвенно предана искусству». С тех пор прошло немало времени. Образцова стала ведущей солисткой прославленной оперной труппы, обрела поистине международное признание, но вот эта преданность искусству, влюбленность в него живут в ее душе и сегодня. Потому и работает она с таким удовольствием, с такой ненасытной жадностью, с такой страстью.

Она в театре немногим более десяти лет, а поет почти весь меццо-сопрановый репертуар. Поет — какое вроде бы простое слово, а для нее это долгие часы напряженного труда, бессонные ночи, дни горьких разочарований, и снова поиски, раздумья, волнения. «Для меня путь новую партию — это значит вступить в новый мир», — говорила Надежда Андреевна Обухова. И для Образцовой каждая новая роль — это тоже новый мир, открыть который она хочет, идя своим путем — путем своего собственного прочтения музыки, своего видения образа, своей оригинальной интерпретации исполнительских традиций. «И мне нужно обязательно возражать», — говорит артистка, — со мной нужно спорить. Тогда все неверное отсеивается, а главное остается».

Именно в таких спорах и возражениях рождался, например, у Образцовой образ Азучены в опере Верди «Трубадур» — она спорила с общепринятой трактовкой, спорила с режиссером, спорила, доказывала, убеждала. И на спектакле мы увидели не безумную, одержимую навязчивой идеей мести старуху, как нередко изображали цыганку, а молодую еще женщину с седыми прядями в черных, как смоль, волосах. И лишь лихорадочно горящие глаза да голос, глубокий, как стон, исполненный такой боли, такого страдания, говорили о том, какое страшное пламя любви и ненависти пылает в душе Азучены.

«Я стремилась показать Азучену больной, но не сумасшедшей», — рассказывала Образцова. — Хотела показать ее страдания — ведь не может человек, увидевший мать в огне и бросивший затем в костер своего ребенка, оставаться психически нормальным. Мать кричала ей из пламени — отомсти! Но когда мстят наконец свершилась, цыганка словно прозревает — ей открывается весь ужас, вся бесчеловечность содеянного...»

Такова у нее Азучена — сложный, противоречивый характер. Протифорисья —

деревенская девчонка из прокофьевского «Семена Котко», тоже родившаяся в больших муках.

«Я никак не могла представить себя в этой роли», — отмечала Образцова однажды. — Репетиции были в разгаре, а я еще относилась к ним скептически, капризничала, отчаянно сопротивлялась. Теперь я влюблена в свою Фроську... Я ее люблю, потому что пережила».

...Лукавые глаза. Смешливый рот. Две растрепанные

люди искусства

ЛЮБОВЬ ЕЕ — СЦЕНА

Г. ИНОЗЕМЦЕВА

косички, которые в народе называют «крысиные хвостики». И голосок тоненький, девчоночий — укротила-таки здесь артистка свое могучее меццо. Но за всем этим — бездна обаяния, женственности. Один из критиков, писавший о Фросье — Образцовой, сказал образно и точно: «И вся она — нераспустившийся бутончик на высоком, тонком стебельке».

Старая графиня в «Пиковой даме» Чайковского — еще одна грань таланта артистки. Когда Образцова впервые вышла в этой роли на сцену, между нею и ее героиней была более чем пятидесятилетняя разница в возрасте, и исполнительница много трудилась над тем, чтобы подчеркнуть старость своей графини. Но тем не менее не дряхлую, беспомощную старуху показывает она нам, а живое олицетворение минувшего. Голос певицы звучит здесь сильно, наполненно, красиво — в нем нет ничего старческого, зато какой сарказм, какое презрение: «И не глядела бы — ни танцевать, ни петь не знают... Девчонки!» Наверное, такую графиню имел в виду Пушкин, когда сказал о ней — отлюбившая в свой век и чуждая настоящему.

Сколько же их, этих удивительных женских портретов, созданных певицей на оперной сцене! Марина Мнишек, Амнерис (кстати, после дебюта Образцовой в «Аиде» известный в прошлом певец Анатолий Орфенов написал: родилась очень талантливая оперная артистка), Марфа, Любаша, Женья Комелькова... У каждой героини — своя судьба, своя любовь, своя мука. И каждая взяла у артистки частицу ее жизни, частицу ее сердца. «Пережить», «перестрадать», — рассказывая о своих работах, Образцова постоянно повторяет эти слова.

И Кармен Образцова буквально выстрадала — за два года до дебюта певица сказала об этой роли: «Я работаю над ней шесть лет. Ориентируясь на общеизвестные образцы, я могла бы одолеть эту партию давно; а так, как мне хочется самой, спеть еще не могу». Но когда наконец артистка решила показать свою Кармен зрителям, они как бы заново открыли для себя героиню хорошо известной и любимой оперы.

...На сцене появляется, ослепительно улыбаясь, смуглая, черноволосая девушка — босая, в простеньком платье. А у вас от волнения сжимается сердце — да, такую Кармен действительно любили все. И «Хабанеру» Образцова поет легко, словно играючи, что выглядит очень естественно, — ведь и жизнь, и любовь для ее Кармен пока только игра.

Такая Кармен рождена для свободы, для счастья, для влюбленного, и ее влекут сильные, смелые, вольные люди. И потому ее чувство к Хозе обречено. «Кармен свободна» — эти слова из заключительного дуэта оперы, которые артистка произносит с

ев, Свиридов — программы срежиссированы, как спектакли. И все произведения, их составляющие, тоже «пропущены» через сердце, прочувствованы буквально всеми фибрами души.

Но оставаясь и в камерном репертуаре оперной певицей, Образцова восхищает тем не менее высокой культурой, музыкальностью, бережным и вдумчивым отношением к авторскому тексту. Многие ей в этом смысле дали, по признанию самой певицы, постоянное общение с пианистом Александром Павловичем Ерохиным. Их дуэт — не просто сотрудничество артистки и концертмейстера, это ансамбль единомышленников.

Пожее сердце — говорят и пишут об Образцовой. Верная характеристика ее искусства, верная, но неполная. Ведь встреча с артисткой на сцене и на концертной эстраде — каждый раз открытие, революция в нашем восприятии искусства, потрясение от того нового, что увидела Образцова в произведении... А происходит это оттого, что в ее исполнении постоянно присутствует мысль, что эмоциями у нее управляет разум.

Показательно в этом смысле интервью, данное ею после окончания Конкурса имени Чайковского, уже в ранге его золотого лауреата. Артистка сказала тогда, что ей долго не удавались произведения великого композитора, пока она не поняла, что Чайковский — композитор-философ, который «пишет о прошлом, о прочувствованном, о пережитом. Творчество его является философией жизни, а не моментом переживания». О какой поразительной зрелости художественного мышления свидетельствуют слова молодой певицы! Да, современный оперный театр требует от исполнителя не только вокальных данных, не только безупречного мастерства, не только профессионализма в пользовании сценическими средствами выразительности, он требует от него умения размышлять. Именно сегодняшней опере нужны мыслящие, интеллектуальные актеры. И Елена Образцова — художник такого склада. В этом — секрет ее творческих успехов.

«Наиболее совершенным выразителем тончайших душевных переживаний человека является его голос. Ему подвластна вся сфера человеческих эмоций: горе, радость, любовное волнение и гнев, мягкая лирика и глубокий драматизм». Эти слова Антонины Васильевны Неждановой вспоминаются всегда, когда слушаешь Елену Образцову, народную артистку РСФСР. За концертные программы 1973—1974 годов и за исполнение партий в операх «Семен Котко», «Кармен», «Трубадур» на сцене Большого театра Союза ССР певица выдвинута на соискание Ленинской премии.

Народная артистка РСФСР Е. Образцова. Фото А. Нагальяна.